
М.Л. Лавренченко

МЕДИАТОРЫ В ПОЛИТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В статье рассматриваются статус и функции посредников-миротворцев в конфликтах домонгольской Руси по материалам трех источников: Повести временных лет, Киевской летописи (по Ипатьевскому и близким спискам) и Новгородской первой летописи. Практики, способствовавшие завершению конфликта в средневековой Руси, показывают широкий спектр задействованных лиц. В процедуре завершения конфликта принимают участие молодые княжичи, вдовствующие княгини, духовенство: митрополиты, епископы и игумены известных монастырей. Книжник относился к миротворцу с явной симпатией, часто дополнял его речи библейскими и другими цитатами. Среди медиаторов домонгольского периода выделяются две основные группы: (1) ближайшие младшие родственники одного из политических конкурентов, причем молодые Рюриковичи могли быть как инициаторами перемирия, так и промежуточными участниками процесса, к которым обращался побежденный противник (этую функцию в разное время выполняли Мстислав Владимирович, Святослав Ольгович, Андрей Юрьевич); а также (2) миротворцы, наоборот, максимально дистанцированные от конфликта и не имевшие личного интереса в споре, но при этом обладавшие высоким статусом. Нередко таким медиатором мог стать иностранный правитель, как правило, соседней земли, что также проливает свет на специфику представлений о соседстве. Например, посреднические роли брали на себя иностранные союзники Изяслава Мстиславича; во время конфликта в Сузdalской земле после смерти Андрея Боголюбского – рязанский князь Глеб Ростиславич; также Рюриковичи способствовали примирению в конфликтах Пястов. В наиболее масштабном противостоянии середины XII в. миротворческую функцию выполняли сразу несколько типов медиаторов: младший родственник одного из противников, Андрей Юрьевич; максимально отстраненный от конкурентов правитель соседней галицкой земли, князь Владимир Володаревич; а затем ближайший союзник и старший брат Юрия, Вячеслав Владимирович. Сам процесс переговоров чаще всего проходил в несколько этапов с использованием множества звеньев миротворческой цепи.

Ключевые слова: социальные практики, конфликты, медиевистическая конфликтология, средневековое общество, средневековая Русь, Киевская летопись, Новгородская первая летопись

Общества Средневековья выстраивали социальные и политические отношения, основываясь на личных связях, чем радикально отличались от пришедших им на смену государств Нового времени с цельной системой институтов и монополией власти. Средневековая система персональных отношений была также основанием для преемственности, т. к. новые поколения получали от родителей выстроенную ими систему сотрудничества или конфронтации с другими политическими акторами. Наиболее выпукло эта сеть контактов манифестировала себя в процессах развертывания и завершения конфликтов¹, которые были своего рода лакмусом, проявлявшим социальный багаж политической фигуры. Под медиатором в данной статье подразумевается политический актор, выполнявший посредническую функцию между двумя воюющими или находившимися на грани вооруженного конфликта сторонами, предпринимавший действия для его прекращения и примирения этих сторон. В средневековой Руси медиаторы могли занимать разный социальный и политический статус, в том числе это были представители духовенства, женщины и младшие Рюриковичи, что значительно расширяет открывавшееся перед читателем летописи социальное пространство. С учетом этого многообразия в данной статье основной упор исследования сделан на ситуациях, где описан выбор медиатора, т. е. рассматриваются эпизоды, когда момент его появления и первые действия изображены хотя бы с минимальными подробностями. Функции посредников были близки посольским – они передавали условия одного из участников конфликта необходимые для его прекращения и выясняли, согласен ли другой их принять, однако деятельность медиатора также напоминала арбитражную, так как он был и своего рода судьей, разрешавшим клубок противоречий в поисках первопричины конфликта. Близкую позицию занимал и сам летописец² (Guimon 2021. P. 363–364), именно поэтому автор относился к действиям медиатора с наибольшим вниманием, раскрывал его речи наиболее подробно, часто привнося собственные рассуждения и библейские цитаты, а сама летопись порой приближалась по характеру к трактату, посвященному способам разрешения конфликтов.

Конфронтации, описанные в летописях, показаны через призму взаимодействия Рюриковичей; следовательно, и миротворческая деятель-

¹ Средневековые конфликты изучались в рамках различных медиевистических школ: Althoff 2020. P. 42–60; Alfonso 2024; Warren, Górecki 2003 (с историографией американской школы изучения конфликтов); Taylor 2020; Cummins, Kounine (eds) 2016 (для раннего Нового времени). Особое внимание средневековым медиаторам удалено в работах: Loynes de Fumichon 2016; Weerdt, Holmes, Watts 2018. P. 261–296 (в рамках *case studies* изучения глобального Средневековья); Miller 1990; Orning 2023 (в средневековой Скандинавии).

² Эсхатологические особенности мировосприятия книжника, также ставившие его на позицию арбитра, изучены И.Н. Данилевским (2004. С. 233–259).

ность касается в первую очередь отношений между представителями этой династии, хотя вероятно, что корни многих конфликтов, в т.ч. новгородско-суздальского и киево-черниговского, уходят в докняжеский период и базируются на противоречиях исходных политических обществ этих земель (ср. возможное отражение этих представлений в лексике Новгородской первой летописи – НПЛ. С. 24, 27).

Изображение хода развития конфликта в домонгольских летописях часто показывает богатое поле возможностей для примирения сторон. Большинство описаний военных действий рассказывают о длительных передвижениях, стояниях, маневрированиях, а не о молниеносных боевых столкновениях³. Так, Ярополк Владимирович и Всеволод Ольгович в статье 6643 (1135) года Киевской летописи поочередно выдвигались друг против друга, но решающей битвой дело так и не кончилось, хотя пройденные земли подверглись разграблению (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295–296). Даже в кратком пересказе событий характерном для этой части летописи описан и процесс взаимодействия противников: сначала «Ярополкъ… со Всеволодомъ никака же владивъся, ни мира с нимъ створивъ», активные действия продолжались, но противники «случе межю собою» и в результате «створиша миръ» (Там же). Когда конфликт вспыхнул вновь, продолжились и переговоры: «и слаша межи собою слы и не могоша уладити» (Там же. Стб. 299, статья 6644 (1136) года). Таким образом, уже в XI–XII вв. процедура примирения выделилась как отдельная сфера политических практик, а летописец говорит о ней, как о чем-то устоявшемся и понятном читателю. В случае успеха результат, как правило, резюмируется словами «миръ» (Там же. Стб. 295–297, 302, 305, 308–309, 404 и др.), «любовь» в значении ‘мирный договор’ (СлРЯ XI–XVII вв. 1981. Т. 8. С. 331; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480, 492, 496 и др.; ср. греч. ἀγάπη – ‘поцелуй мира’, ‘мир’, ‘мирный договор’ – Срезневский 1902. Т. 2. С. 89–90; LBG, s. v. ἀγάπη).

Книжник нередко показывает, что в миротворческую группу входили несколько высокопоставленных человек, занимавших очень разные социальные позиции. Так, в статье 6605 (1097) года ПВЛ рассказывается о том, что, не сумев избежать обвинений в причастности к ослеплению теребовльского князя Василько Ростиславича, Святополк Изяславич решил бежать из Киева, однако киевляне предприняли попытку примирения с Владимиром Мономахом и его сподвижниками, уже выступившими против Святополка. Городское общество отправляет к противникам

³ Например: «И начаша межи собою мужѣ слати, и вмиришаася» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 238); «И стояша противу себе и до вечерний» (Там же. Стб. 380); «Ту и стала полки своими всѣми, Володимеръ же ста по онои сторонѣ полки своими» (Там же. Стб. 448); «И тако стала полци межи собою, зряще на ся» (Там же. Стб. 466), «И стала противу собѣ об рѣку, и начаша слати межю собою и тако умиришаася» (Там же. Стб. 490) и др.

Святополка вдовствующую княгиню, супругу Всеволода Ярославича, и митрополита Николая: «Святополк же хотяше побѣгнути ис Кыева и не даша ему кияне побѣгнути, но послаша Всеволожую и митрополита Николу къ Володимеру, глаголяща: “молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьской землѣ...”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 237)⁴. Летописец подчеркивает, что инициатива примирения исходила именно от горожан, а митрополит и княгиня передавали их слова: «молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко створити миръ и блиости земли Рускои» (Там же. Стб. 238). Книжник поясняет выбор киевлян тем, что вдовствующая княгиня обладала высоким авторитетом и пользовалась большим уважением у своего пасынка: «И преклонися (Владимир Мономах. – М. Л.) на молбу, чтящеть бо ю яко матерь отьца ради своего, бѣ бо любимъ отьцю своему по велику, в животѣ и по съмърти, и не ослушася его ни в чемъ же, и послуша яко матер». Так же высоко ценил Владимир Мономах и высших церковных иерархов, поэтому миротворческая миссия митрополита имела успех: «и митрополита тако же, чтя санъ святительский, не прѣслуша молбы его...» (Там же). Киевляне получают официальный ответ именно из уст княгини: «княгини же бывши у Володимера, и прииде, и повѣда всю рѣчь Святополку и кияномъ, яко миръ будетъ, и начаша межи собою мужѣ слати, и вмиришася» (Там же)⁵. Таким образом, инициативу примирения между двумя Рюриковичами берет на себя городское общество, но в качестве делегата выступает вдовая княгиня, мачеха одного из участников конфронтации, а с ней – глава Киевской митрополии. Порой миротворческие миссии возглавляли высокопоставленные лица не в составе одной делегации, а поэтапно, причем нередко, как и в рассмотренном примере, это были представители светской и церковной властей⁶ (НПЛ. С. 24).

Роль православного духовенства в политике светских правителей была традиционно высокой. Константинопольский патриархат принимал активное участие в политических делах Византии, однако специфика понимания светской власти на Руси была принципиально иной, чем в империи (Чичуров 1990. С. 140–146), поэтому и православным иерархам Киевской митрополии приходилось вырабатывать свои собственные практики участия в политической жизни. Это взаимодействие было активным (Хорошев 1986. С. 13–46) и подразумевало как вторжение Рюриковичей в вопросы выбора церковного иерарха (Присёлков 2003. С. 186–221), так и

⁴ Благодарю Я.А. Спасскую за обсуждение этого эпизода.

⁵ Возможно, в связи с тем, что митрополит-византиец не владел в совершенстве славянской речью, основную дипломатическую задачу выполнила именно княгиня.

⁶ О посреднической деятельности Николая Святоши, сочетавшего оба эти статуса, – в работе Я.А. Спасской (2024. С. 63).

обратные процессы. Миротворческие функции были важнейшей из светских задач духовенства как независимой и авторитетной силы, дублирующей княжескую. Неоднократно летописец упоминает о том, что высокопоставленные священники давали князьям советы, останавливающие военные конфликты, причем в начале XII в. в этой роли часто встречаются игумены известных монастырей. Так, статья 6636 (1128) Киевской летописи свидетельствует о том, что Григорий, игумен Андреевского монастыря, уговаривал Мстислава Великого не участвовать в конфликте с Всеволодом Ольговичем на стороне Ярослава Святославича: «тоть бо не вдадяше Мъстиславу въстati ратью по Ярославъ» (ПСРЛ Т. 2. Стб. 291). Довольно лаконичный на этом этапе летописания книжник подробно описывает авторитет Георгия: «бяше бо в ты дьни игуменъ святаго Андрѣя Григории, любимъ бо бѣ прежде Володимеромъ, чтень же ото Мъстислава и ото всихъ людеи» (Там же). Приводится также и довод Григория о том, что нарушение крестоцелования – меньшее зло, чем пролитие крови: «ти менше есть он же (ошибочно вместо «оже». – М. Л.) переступивъ крестьное целование, на рать не въстанешь, нежъ кровь пролити хрестьянскую» (Там же). Однако сама процедура отказа от крестоцелования, очевидно, предполагала участие митрополита, ввиду его отсутствия был собран собор, который и взял грех отступления от клятвы на себя: «съвъкупивъше сборъ иереискыи – митрополита же в то время не бяше, – и рекоша Мъстиславу: “на ны будетъ тотъ грѣхъ”, и створи волю ихъ, и съступи креста Мъстиславъ къ Ярославу, и плакася того вся дьни живота своего» (Там же). В аналогичной ситуации оказался Рюрик Ростиславич в 6703 (1195) г., когда Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) потребовал от него те города, которые Рюрик уже дал своему племяннику и зятю Роману Мстиславичу. Рюрик сначала обратился к своим ближайшим боярам: «Рюрикъ же поча думати с мужи своими – како бы ему дати волость Всеволоду, которые же волости у него просиль» (Там же. Стб. 683); а затем – к митрополиту Никифору, который поступил ровно таким же образом, как и игумен Григорий, переложив грех нарушения крестного целования на себя: «А нынѣ азъ снимаю с тебе крестное цѣлование и взимаю на ся, а ты послушай мене, возма волость у зятя у своего, даи же старѣвшому, а Романови даси иную в тое мѣсто» (Там же. Стб. 684). Как видно при сравнении этих двух примеров, присутствие митрополита было необходимо для обрядовой составляющей – «перенесения» обязательств крестного целования (христианского варианта клятвы) на духовное лицо. При этом сам митрополит Никифор, согласно летописи, говорит о миротворческой функции как о важнейшей для духовенства средневековой Руси: «Княже, мы есмы приставлены в

Рускои землѣ от Бога востягивати васъ от кровопролитья»⁷. Кроме того, он оценивает сложившуюся ситуацию и показывает ошибку Рюрика, которая привела к этому конфликту, т.е. выступает в роли арбитра, причем акцентирует внимание на иерархичности отношений князей, что было естественно для византийского понимания устройства общества: «ажь еси даль волость моложьшему в облазнѣ предъ старъишимъ, и кръсть еси к немоу целовалъ» (Там же). Таким образом, первейшую возможность исполнить свою миссию представители духовенства видели в том, чтобы находиться в диалоге с правителями династии Рюриковичей и сводить на нет негативные последствия крестных соглашений в изменившихся условиях.

Уже в первых подробных летописных пассажах, рассказывающих о событиях XII в., с регулярностью упоминаются посреднические миссии духовных лиц, которые совершали путешествия с целью предотвратить вооруженные действия. Так, в преддверии активной фазы новгородско-суздальского конфликта под 6642 (1134/35) г. Н1 показывает координацию высших церковных чинов для остановки конфликта. Игумен Юрьева монастыря, Исаия, едет к митрополиту в Киев: «и иде Исаия игуменъ съломъ Кыеву; приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ Но-вугороду, декабря въ 9» (НПЛ. С. 23). Очевидно, после переговоров митрополит должен был отправиться к суздальскому князю, но был захвачен и отпущен только после поражения новгородцев в битве у Ждановой горы. В статье 6643 (1135/36) года новгородский летописец говорит о попытке епископа Нифонта примирить конфликт на юге Руси, после того как посадник Мирослав потерпел неудачу на том же поприще: «иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи» (Там же. С. 23–24). Автор показывает конфликт как противоречие земель: «заста кыяны съ церниговыци стояце противу собе, и множество вои» (Там же), но переговоры ведутся с правившими в этих городах Рюриковичами: «Яропыль-къ к собе зваше новъгородьце, а церниговъский князь к собе» (Там же). Нифонт действует здесь не только как представитель духовенства, но и как выразитель воли новгородского общества, т.е. в качестве медиатора киево-черниговского конфликта выступает далекая Новгородская земля.

Неоднократно летописец рассказывает о том, что переговоры инициировал младший родственник одного из противников. Так, юный Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, сам начинал переговоры с оппонентом своего отца, Олегом Святославичем, причем княжич неоднократно предлагал конкретные решения: «Иди опять Мурому, а в чю-

⁷ Ср. близкие по характеру фразы в других миротворческих ситуациях: «Брате и сыну, от рождения моего не охотив есмь быть на кровопролитье» (Вячеслав Владимирович – Изяславу Мстиславичу, ст. 6659 (1151) года – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 437).

жеи волостъ не съди» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 227), «а дружину вороти, юже еси заяль» (Там же. Стб. 228). Он же объявлял о том, что отправит посольство к собственному отцу: «Азъ пошлю молиться съ дружиною своею къ отьцу моему и смиру тя с нимъ»; а также использовал риторическую фразу, демонстрирующую отказ от кровной мести: «Аще и брата моего въбиль еси, то есть не дивно в ратехъ бо цѣсари и мужи погыбаютъ» (Там же. Стб. 227–228). Хотя этот рассказ представлен как демонстрация неопытности молодого княжича, которого пытался обмануть Олег, указанные детали раскрывают стандартную практику, позволявшую Рюриковичам младшего поколения инициировать переговоры, иначе маневр Олега сразу оказался бы очевиден.

Таким же образом Андрей Юрьевич, сын одного из лидеров крупнейшего противостояния середины XII в., Юрия Владимировича, показан в статье 6657 (1149) года Киевской летописи как инициатор мирных переговоров: «Андрѣеви же Богъ вложи въ сърдце, сущю бо ему милостию на свои родъ, паче же на крестьяны, и нача молитися отьцу, глаголя: “Не слушай Ярославича Дюргя, примири сыновца к собѣ, не губи отьцины своея, миръ стоить... (очевидно, «...до рати, а рать до мира»)⁸. – М. Л.)» (Там же. Стб. 391–392). Пространность этой фразы и ярко выраженный высокий регистр речи показывают сближение позиций Андрея и летописца. Последний говорит словами княжича, высказывая свое видение ситуации: здесь и педалирование родства (племянник и дядя близки по крови и не должны конфликтовать), и идея сохранения благополучия земель Руси, и мысли о естественном ходе чередования периодов мира и войны. Часть высказывания Андрея попадает на лакуну в Ипатьевской летописи, но продолжение показывает еще большую близость позиции автора княжичу-медиатору благодаря обращению к христианской догматике: «Глаголя ему: “Отьце, господине, помяни слово писаное, се коль добро еже жити братъ вкупъ...”» (Там же. Стб. 392).

Продолжая повествование, автор показывает, что именно к Андрею Юрьевичу Изяслав Мстиславич обращается и на следующем этапе противостояния: «Тоѣ же зимы присылатися нача Изяславъ къ Андрѣеви в Пересопницю река: “Брате, въведи мя къ отьцу твоему в любовъ”» (Там же. Стб. 404, статья 6658 (1150) года). Хотя затем летописец объясняет, что Изяслав таким образом осматривал укрепления города, однако тем убедительней должно было выглядеть обращение – очевидно, что для обмана необходимо имитировать практику, которая была бы естественна в такой ситуации. Книжник показывает, что Изяслав в своей просьбе апеллирует к коллективному владению Рюриковичами землями Руси и,

⁸ Эта фраза встречается и в других ситуациях, когда стороны начинают процесс примирения: «миръ стоить до рати, а рать до мира» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 364).

следовательно, к праву на их часть: «Изяславу же молвящю: “Мнѣ отыцины въ угрехъ нѣтуть, ни в ляхохъ, токмо въ Руской земли”». Он детализирует просьбу князя, показывая конкретную уступку, на которую должен пойти Юрий Владимирович: «А проси ми оу отца волости – Погорину». Усилия Андрея оказались безрезультатны: «Андрѣеви же молящюся отъцю про Изяслава, и не хотяю ему волости дати» (Там же. Стб. 404–405).

Вернемся к событиям статьи 6657 (1149) года, где показаны две группы советчиков Юрия Владимира, склонявшие его к прекращению или продолжению конфликта. Весьма неожиданным образом ближайшим сподвижником Андрея Юрьевича в деле примирения становится галицкий князь Владимир Володаревич, который, хотя и выступал в качестве союзника сузdalского князя, но как политический актор был максимально отстранен от обеих сторон: прямое родство с ним было довольно дальним, а его собственные интересы непосредственно в этих переговорах не обсуждались (однако сама конфронтация принесла ему ряд городов). Хотя киевский летописец нечасто дает ему положительные характеристики, что, вероятно, обусловлено географическими спорами галицкой и киевской земель, в данном эпизоде он выступает в качестве главного защитника христианской морали и арбитра спора, что, несомненно, совпадало с позицией летописца: «Князь же галичъскыи Володимириъ болма слашеть к Вячеславу, и къ Гургеви, и къ Изяславу, ладя ъ, глаголя Вячеславу и Дюргеви: “Богъ поставилъ насъ волостели в месть злодѣемъ и в добродѣтель благочѣстивымъ, то како можемъ молитися къ създавшему насъ: ‘Отьце нашъ, остави намъ прегрѣшения наша, якоже мы оставляемъ прегрѣшения наша”⁹, сыновецъ ваю Святославъ (ошибочно вместо «Изяслав». – М. Л.) акы от ваю рожень, передъ вами не творится правъ, но кланяется и милости ваю хочетъ. Азъ же не прость есмъ ходатаи межи вами – ангела Богъ не сослеть, а пророка в нашъ дни нѣтуть, ни апостола...”» (Там же. Стб. 392). Высокий регистр речи Владимира и цитирование молитвы «Отче наш» указывают на вторжение летописца в этот пассаж для изложения своего собственного суждения о ситуации. Кроме того, князь точно определяет свою функцию словом «ходатай», имеющим ярко выраженную церковно-книжную окраску (ср. др.-греч. μεσίτωρ, μεσίτρια – ‘посредник’, ‘миротворец’ – Срезневский 1912. С. 1377–1378; LBG, s.v. μεσίτωρ, μεσίτρια). Полную фразу невозможно восстановить из-за лакуны в Ипатьевской летописи; кроме того, она дважды разрывается реакцией на нее Вячеслава Владимира, что связано со сложной композицией Киевской летописи. В продолжении

⁹ Очевидно, вместо «должникам нашим». Слова молитвы «Отче наш».

после вставки¹⁰ автор цитирует заповедь блаженства о посмертном вознаграждении миротворцев – «блажени смиряющиеся (в Хлебниковском списке – смиряющеи, т.е. ‘примиряющие’; ср. др.-греч. εἰρηνοποιοί – ‘миротворцы’ – Срезневский 1912. С. 747–748; LBG, с.в. εἰρηνοποιοί), яко тѣ сынове Божии нарекутъся», – и уже упомянутый в предыдущем эпизоде тезис о возрастании благополучия земель Руси под руководством мирного владыки: «земля Русская расплодилася, и розмогла въ братолюбъ князии» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392–393). Летописец дважды приводит реакцию на эти слова Вячеслава Владимира: «си слышавъ князь Вячеславъ преклонися на любовъ (т.е. *мир.* – *M. L.*)»; «Вячеславъ послуша брата своего и свата Володимира, приемъ въ сърдци слова его, потъкнуся к ряду и к любви» (Там же). Именно Вячеслав Владимирович становится следующим звеном в начатом миротворческом процессе – «Вячеславъ же нача брату молвити Гюргеви: “брате, мирися”...» (Там же. Стб. 393), – что на первом этапе привело к успеху и детализированному обсуждению конкретных претензий. Таким образом, переговоры характеризуются стандартным набором аргументов, которые вкладываются в уста медиаторов, а сам процесс отличается многоэтапностью. Начинает их Андрей Юрьевич, продолжает Владимир Володаревич, а затем – Вячеслав, как наиболее авторитетный и близкий Юрию союзник. В результате формируется цепочка медиаторов, удлиняющих процесс переговоров, в чем можно видеть желание избежать прямых обращений от одного противника к другому, которые могли бы политически ущемить честь кого-либо из них. Любопытно, что сам Юрий ранее пренебрегал подобными сложными манипуляциями, обращаясь к Изяславу лично, что, однако, не вошло в успеха (Там же. Стб. 380).

В роли политического актора, прибегающего к помощи медиатора, мог выступать как Рюрикович, так и политическое общество города, а самим посредником мог быть не только сын, но и младший брат правителя. Так, после получения киевского стола Игорем Ольговичем по завещанию от брата в городе возникает неудовольствие, но Игорь Ольгович не рискует сам восстановить отношения с киевлянами и отправляет к ним своего младшего брата Святослава: «а брата своего Святослава послы к нимъ у вѣче» (Там же. Стб. 321). Именно ему горожане целуют крест и в лояльности Игорю: «И на томъ цѣловаше вси кияне кръсть с дѣтми, оже подъ Игоремъ не лъстити, подъ Святославомъ». А лишь затем избранные представители города едут со Святославом к Игорю, который целует крест в ответ, упоминая и об участии в формулировке условий

¹⁰ Нельзя исключать, что далее приводится речь уже Вячеслава, т.к. сводчик переключился на его ответ, однако логически этот пассаж завершает речь Владимира, а начало реакции Вячеслава затем приведено повторно.

Святослава: «На всѣх их воли, и на братни» (Там же. Стб. 322 [цит. по Хлебниковскому списку], статья 6654 (1146) года). Таким образом политическое решение выглядит результатом коллективного консенсуса братьев, что снимает остроту личных противоречий. Возможность обратиться не непосредственно к Игорю, с которым был связан конфликт, а к его младшему брату Святославу, помогает городскому обществу сохранить свой политический статус и установить баланс сил с властью киевского князя. Сам Игорь выполнял подобную роль при своем брате Всеволоде несколькими годами ранее – именно к нему как к младшему брату противника посыпал в поисках пути примирения уже упомянутый галицкий князь Владимир Володаревич, застигнутый врасплох походом Всеволода: «И поча Володимеръ слати ко Игореви: “оже мя умиришь съ братомъ...”» (Там же. Стб. 316, статья 6652 (1144) года).

Другой тип медиатора – персона, максимально отстраненная от двух конфликтующих сторон, но обладавшая высоким статусом. Это мог быть правитель другой земли Руси, как, например, тот же галицкий князь Владимир Володаревич, активизировавший переговорный процесс в конфликте Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича в середине XII в., или новгородские посольства посадника Мирослава и епископа Нифонта, осуществлявшие переговоры между южными княжествами, согласно статье 6643 (1135/36) года НПЛ. Часто в таком качестве выступали иностранные союзники, начиная действовать в тот момент, когда налицо была эскалация военных действий, хотя стороны не были готовы к длительному ведению войны.

Нередко такой медиатор изначально фигурировал как союзник одного из участников конфликта, но затем, казалось бы, неожиданно, предлагал мирные переговоры. Именно так в статье 6657 (1149) года Киевской летописи поступают иностранные союзники Изяслава Мстиславича, отправляя мирное соглашение к Юрию Владимировичу. Хотя этот политический ход со стороны венгерских и польских союзников Изяслава показан в летописи как внезапный и неприятный для князя: «Изяславу же бысть велми не любо» (Там же. Стб. 387), вероятно, он был ожидаем обеими сторонами, так как обе они медлили с выступлением на предшествующем этапе. Ключевой функцией иностранных союзников в этой ситуации становится практическое осуществление переговоров, ведь если бы их инициировал сам князь, это стало бы очевидным маркером слабости с его стороны. Поэтому после коллективного обсуждения позиций в лагерь Юрия едут именно иностранные союзники Изяслава, причем делегаты выбираются от каждой иностранной группы: «[Изяслав] сдума с Болеславомъ, и съ Индрихомъ, и съ угры, ако же имъ послати мужи своя к Вячеславу и къ Гюргеви, а угре – отъ короля свои мужи,

рекула: “Вы намъ есте въ отьца мѣсто, а се нынѣ заратилася есте съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы есмы по Бозѣ все кръстьяне – одна братья собѣ, а намъ подобаетъ всимъ быти съ себе”» (Там же. Стб. 387). Д.А. Добровольский указал на то, что речь о единстве христиан вложена в уста католических правителей, что ничуть не смущает летописца (Добровольский 2019. С. 170–171), причем изложенный ими миротворческий нарратив заметно отличается от остальных летописных шаблонов и близок крестоносной тематике (Лавренченко 2018. С. 155–177). Нехарактерная для летописи риторика подчеркивает дистанцию медиаторов от сторон конфликта, что в данной ситуации было не только уместно, но и желательно. После того, как миссия иностранных союзников Изяслава была выполнена, участники конфликта продолжили общение между собой, договариваясь о конкретных деталях соглашений, в чем венгерские и польские союзники Изяслава уже не участвовали: «И тако ся начаша ладити Вячеславъ же, и Гюрги, Изяславъ, слюче межи собою» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 388), – т.е. налицо дискретность задач, которую выполняли отдельные медиаторы, и поэтапный характер миротворческого процесса, в котором только иностранным правителям удалось сделать первый шаг.

Когда в первой половине 1150-х годов центральный политический конфликт Рюриковичей перешел в противостояние Изяслава Мстиславича и Владимира Володаревича, инициатором их примирения вновь становится венгерский король Геза II, который лично приезжает для участия в кампании Изяслава. Именно к нему отправляет посла Владимир Володаревич, не имевший ресурсов для продолжения конфликта, с просьбой об инициации миротворческого процесса. Однако и для непосредственного обращения к венгерскому королю галицкий князь также выбирает посредников – архиепископа и венгерских вельмож: «на ту же ночь выслася Володимеръ къ арцибискупу и къ въеводамъ и королевымъ, и створися своею волею акы бодень, и рече имъ: “молитеся о мнѣ королеви”» (Там же. Стб. 450). Даже если Владимир изначально не предполагал следовать соглашению, как это представлено в Киевской летописи, сама процедура – наличие нескольких звеньев миротворческой цепи и обращение к иностранцу для посреднических миссий – должна была соответствовать практикам этого времени, чтобы выглядеть убедительно для участников.

Согласно статье 6653 (1145) года Киевской летописи, аналогичным образом примирителями польских князей стали Игорь и Святослав Ольговичи, изначально выступая на стороне Владислава II в его конфликте с Болеславом IV и Мешко III, причем схема взаимодействия была близка рассмотренной выше. Первоначально Ольговичи приехали в качестве поддержки воинской силы Владислава II, но затем неожиданно

выступали в качестве медиаторов, т.к. именно к ним приехали Болеслав IV и Мешко Старый, желая завершить конфликт с единокровными братьями: «Наидоша брата два Владиславия Болеслава и Мъжеку, стояча за болотомъ, и переѣхавша на сю сторону, и поклонистася Игореви и съ братьемъ его, и цѣловавше кръсть межи собою и тако рекоша: “аще кто переступить кръстъное цѣлованіе – на того быти всимъ”» (Там же. Стб. 318). Перечисленные медиаторы обладали высоким королевским или княжеским статусом, но при этом были иностранцами по отношению к противоборствующим сторонам и не имели личного интереса в споре, тем самым подходя на роль посредника наилучшим образом. Кроме того, летописцем во всех случаях подчеркивается внезапность начала мирного процесса, что также, вероятно, было традиционной перформативной чертой самой процедуры: участники были готовы к соответствующим действиям, однако не желали показать этого, чтобы не быть уличенными в трусости и неготовности к сражению.

Еще одной особенностью упоминаний о деятельности посредников является сообщение книжника о получении ими денег или других материальных благ. Так, говорится о том, что Владимир Володаревич посыпал людям короля и венгерскому архиепискупу вознаграждение: «и многы дары высла арципискупу и мужемъ тѣмъ златомъ и сребромъ, и съсуды златыми, и сребреными, и порты, да быша умолили короля» (Там же. Стб. 450); причем подобная щедрость имела место и раньше (Там же. Стб. 406). Именно архиепископ затем упрашивает своего короля стать примирителем: «король же... послуша арципискупа и всихъ мужии своихъ, зане же Володимеръ выслалъ бяше имъ имѣниe свое» (Там же. Стб. 451).

Аналогичным образом Киевская летопись рассказывает о том, как Всеволод Ольгович, желая остановить Мстислава Владимиоровича от движения против него, также подкупает его людей: «Всеволодъ же, нача ся молити Мъстиславу, и бояры его подъучивая, и дары дая, моляшеться имъ» (Там же. Стб. 291). Вполне вероятно, что в обоих случаях речь шла не об особом коварстве почти побежденного противника, а о специфике практики примирения, которая подразумевала вознаграждение для посредника. Кроме того, говорится о том, что Игорь Ольгович получил Визну, поучаствовав в переговорах Пястов: «даста брата своему Владиславоу 4 города, а Игореви съ братьемъ Визну» (Там же. Стб. 318).

Максимально дистанцированные от конфликта медиаторы часто были правителями соседних земель – вероятно, такая функция воспринималась как часть отношений соседства. Например, в конфликте, последовавшем в городах Сузdalской земли после смерти Андрея Юрьевича, в роли посредника между городскими обществами и князьями,

которых они приглашают на правление, выступает рязанский князь Глеб Ростиславич: «И утвердишься святою Богородицею, послана къ Глѣбови» (Там же. Стб. 595). При этом книжник подчеркивает, что сделано это было именно по настоянию рязанских послов: «но слуша Дѣдилца и Бориса, рязаньскую послу» (Там же). Причем от соседей же – рязанских и муромских князей – исходила и основная опасность: «Намъ суть князи муромъскыи и рязанъскыи и въ сосудѣхъ, а боимъся мъсти ихъ, еда поидутъ вънезапу ратью на насъ» (Там же). В этом эпизоде указывается, что медиатор обладал особым почетным статусом: «Глѣбъ же слышавъ, радъ бысть, аже на него чѣсть воскладывають» (Там же), – а сама функция воспринималась как показатель авторитета.

Таким образом, преодоление конфликта в домонгольский период, как правило, начинается с появления медиатора. Им мог быть близкий младший родственник одного из участников или, наоборот, максимально отстраненная от противников фигура соседнего правителя. Функционально миссии посредников этих двух типов имеют значительные отличия. Младший родственник одного участника конфликта воспринимался как непосредственное продолжение своего отца или старшего брата, однако политический статус юного Рюриковича чаще всего был невысок вследствие возраста, поэтому обращение к его фигуре сводило к минимуму момент унижения соперника, который ради мирного соглашения вынужден был отказаться от части своих требований. Правитель соседней земли или даже иностранец, напротив, обладал высоким статусом, но не был связан ни с одним из участников близкими кровными узами, а также не имел прямой личной заинтересованности в конфликте. Сама процедура завершения конфронтации при помощи медиаторов, как правило, осуществлялась в несколько этапов, причем в особо сложных противостояниях присутствовали посредники обоих типов. Так, конфликт Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича пытались разрешить: сын Юрия, Андрей Юрьевич, затем Владимир Володаревич, правитель соседней галицкой земли, и к ним присоединился старший брат Юрия, Вячеслав. Именно фигура медиатора наиболее близка самому летописцу, который часто вкладывает в уста правителя, исполняющего эту функцию, стандартные фразы о миролюбии, христианском спасении миротворцев, цикличности периодов мира и войны, а также библейские цитаты и молитвы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Данилевский И.Н. Герменевтические основы Повести временных лет. М., 2004.
[Danilevskiy I.N. Germenevticheskie osnovy Povesti vremennykh let (Hermeneutical Basics of the Primary Chronicle). Moscow, 2004.]

- Добровольский Д.А. Христиане или латинники: религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII вв. // Colloquia Russica. 2019. Ser. I. Vol. 9. S. 169–181. [Dobrovolskiy D.A. Khristiane ili latinniki: religioznyy aspekt vospriyatiya polyakov russkimi knizhnikami 11–13 vv. (Christians or Latins: the Religious Aspect of the Perception of Poles by Russian Scribes of the 11th–13th Centuries.) // Colloquia Russica. 2019, Ser. I. Vol. 9. S. 169–181.]*
- Лавренченко М.Л. Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek / Ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. Kraków, 2018. С. 155–177. [Lavrenchenko M.L. Obrashcheniya i dogovornyye formuly v dialogakh Ryurikovichey (po materialam Kiyevskoy letopisi) (Appeals and Contractual Formulas in the Dialogues of the Rurikovichs (Based on Materials of the Kyivan Chronicle)) // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek / Ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. Kraków, 2018. S. 155–177.]*
- Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. [Prisyolkov M.D. Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kiyevskoy Rusi X–XII vv. (Essays on the Church-Political History of Kyivan Rus in the 10th–12th Centuries). St. Petersburg, 2003.]*
- Спасская Я.А. Монашеский постриг в семье Рюриковичей: особенности трансформации княжеского статуса // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М., 2024. С. 35–41. [Spasskaya Ya.A. Monasheskiy postrig v sem'ye Ryurikovichey: osobennosti transformatsii knyazheskogo statusa (Monastic Ton-sure in the Rurikovich Family: Transformation of Princely Status) // Chelovek i vlast' v epokhu russkogo Srednevekov'ya. Moscow, 2024. S. 35–41.]*
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2; 1912. Т. 3. [Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamyatnikam (Materials for a Dictionary of the Old East Slavic Language Based on Written Sources). St. Petersburg, 1902. Т. 2; 1912. Т. 3.]*
- Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. [Khoroshev A.S. Politicheskaya istoriya russkoy kanonizatsii (XI–XVI vv.) (Political history of Russian Canonization: 11th–16th Centuries). Moscow, 1986.]*
- Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья. Византия и Русь. М., 1990. [Chichurov I.S. Politicheskaya ideologiya Srednevekov'ya. Vizantiya i Rus' (Political Ideology of the Middle Ages. Byzantium and Rus'). Moscow, 1990.]*
- Alfonso I. Conflict, Language, and Social Practice in Medieval Societies / Ed. by J.E. Monge et al. Brussels, 2024.*
- Althoff G. Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German perspective. Leiden, 2020.*

- Cultures of Conflict Resolution in Early Modern Europe / Ed. by St. Cummins, L. Kounine. L., 2016.
- Guimon T.V.* Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021.
- Loynes de Fumichon, B.* Histoire de la médiation. Des repères dans le temps des médiateurs, P., 2016.
- Miller W.I.* Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law, and Society in Saga Iceland. Chicago, 1990.
- Orning H.J.* Violence, Conflict and Order in Medieval Norway // Global Intellectual History. 2023. P. 1–15.
- Taylor L.* Moderation and Restraint During Conflict as Ideal Behavior in High Medieval Scandinavia and Iceland / Ed. by W. Jezierski et al. N.Y., 2020.
- Warren C.B., Górecki P.* Where Conflict Leads: On the Present and Future of Medieval Conflict Studies in the United States // Conflict in Medieval Europe. Changing Perspectives on Society and Culture. L.; N.Y., 2003. P. 265–286.
- Weerdt H., Holmes C. Watts J.* Politics, c. 1000–1500: Mediation and Communication // Past & Present. 2018. Vol. 238, Issue 13: The Global Middle Ages / Ed. by C. Holmes and N. Standen. P. 261–296.

Maria L. Lavrenchenko

MEDIATORS IN THE POLITICS OF MEDIEVAL RUS'

The article examines the status and functions of peace mediators in conflicts of the pre-Mongol Rus' based on materials of three chronicles: the Primary Chronicle, the Kievan Chronicle (according to the Hypatian and similar manuscripts) and the First Novgorodian Chronicle. Among mediators of this period, two main groups can be distinguished: (1) the closest younger relatives of one of the competitors; these juniors could be both the initiators of a truce agreement and intermediate persons whom a defeated enemy applied to; and (2) peacemakers, who, on the contrary, were maximally distanced from the conflict and who had no personal interest in it, but had a very high status of a ruler or similar. Often, such a mediator could be a foreign ruler, usually of a neighboring land. The political practices used to end conflicts in the medieval Rus' demonstrate a wide range of people involved, including young princes, widowed princesses, clergy: metropolitans, bishops and abbots of famous monasteries. The negotiation process itself could take place in several stages with more than one element in the peacekeeping chain.

Keywords: social practices, conflicts, medieval conflictology, medieval society, medieval Rus', Kievan Chronicle, the First Novgorodian Chronicle

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-125-139